

ИНТРАЛИНГВАЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Н. Л. Дунь

В статье рассматривается внутриязыковая лакунарность как лингвистическое явление, анализируются различные типы интралингвальных лакун в лексической системе русского языка. Особое внимание уделяется исследованию системных (потенциальных) лакун как самой многочисленной группы.

При рассмотрении расхождений, как в языках, так и в культурах большинство исследователей предпочитают термин "лакуна" (от лат. *lacuna* – углубление, впадина; от франц. *lacune* – пустота, брешь).

В лингвистике первыми ввели термин "лакуна" канадские учёные Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне. Они определяют его как "явление, которое имеет место всякий раз, когда слово одного языка не имеет соответствия в другом языке" [1,3]. Многие лингвисты (Ю.С. Степанов, В.Л. Муравьев и др.) также определяют лакуну как недостающее в данном языке слово (устойчивое словосочетание) другого языка, выражающее понятие, для передачи которого "в этом языке требуются более или менее пространственные перифразы" [1,6]. Соглашаясь с ними, В.Г. Гак, на наш взгляд, всё же более ёмко объясняет явление лакунарности, считая, что лакуны – это "пропуски в лексической системе языка, отсутствие слов, которые, казалось бы, должны были присутствовать в языке, если исходить из его отражательной функции (т.е. его задачи обозначать явления объективной действительности) и из лексической системы языка" [2,261].

Всё многообразие синхронических групп лакун можно разделить на два основных типа: *межъязыковые* и *внутриязыковые*. Синхронические лакуны первого типа сравнительно легко выявляются в двуязычной (или полиязычной) ситуации при сопоставлении лексических или грамматических систем двух языков или семантических полей и слов, отражающих особенности психологического восприятия мира в целом ряде языков. Классический пример подобных лакун во французском языке по сравнению с русским – отсутствие слов, равнозначных русским *сутки*, *кипяток*. С другой стороны, фр. *éditorialiste*, *échangiste* не имеют в русском языке лексических эквивалентов и могут быть выражены на уровне речи при помощи свободного сочетания слов "тот, кто пишет передовые статьи в газете", "тот, кто обменивается" (чем-нибудь). В русском языке, например, выявляются безэквивалентные для немецкого языка единицы: *проводник*, *автомобиль*, *квартал*. Напротив, в русском языке обнаруживаются лакуны "брат и сестра вместе взятые" (ср. *Geshwister*), "утолщённая часть бутылки" (ср. *Bauch (der Flasche)*) и др. Ср., например, англ. *to case* и русск. "класть в ящик"; англ. *crusted* и русск. "покрытый коркой"; с другой стороны, русск. *кулёк* и англ. "small mat-bag"; русск. *дочитать* и англ. "to read to the end". Межъязыковые лакуны – наиболее изученный и довольно подробно описанный в лингвистике тип лакун.

Иначе обстоит дело с внутриязыковыми (интралингвальными) лакунами. Этот тип лакун не стал пока предметом должного внимания лингвистов. Заметный вклад в изучение этого вопроса внесла Г.В. Быкова, раскрыв лингвистическую сущность явления внутриязыковой лакунарности.

Внутриязыковые лакуны обнаруживаются в одноязычной ситуации, когда в рассматриваемом языке отсутствует слово для обозначения существующего понятия, хотя потенциально оно могло бы существовать в лексической системе данного языка. Например, в русском языке есть слова, означающие концепт "сообщение о негативных фактах" (*жалоба*, *донос*), но нет обозначения для сообщения о положительных фактах. Недавно вступивших в брак называют словом *молодожёны*, о супругах же, давно состоявших в браке, говорят: "те, которые прожили в браке

столько-то лет" или "они давно женаты". Есть слово *старшекласник*, но нет лексической единицы для обозначения учащихся младших классов.

Таким образом, при отсутствии в языке соответствующей лексической единицы она в случае коммуникативной необходимости компенсируется на уровне синтаксиса, расчленённо. "Иными словами, – пишет Г.В. Быкова, – наиболее распространённая внутриязыковая лексическая лакуна – это смысловое содержание до его объективации в новом слове, когда отсутствует сцепление идеального с материальным (звуковой оболочкой), т.е. в виде несколькословного наименования, которое рано или поздно станет (и обычно становится) семантической базой, "трамплином", "стартовой площадкой" лексической объективации" [3,45].

Общеизвестно, что синтаксические единицы, за некоторым исключением, не воспроизводятся, а создаются по мере необходимости и распадаются, когда минует в них надобность. Свободные словосочетания, будучи синтаксическими единицами, распадаются по окончании акта общения.

Описательный способ хранения понятия (лакуна) менее предпочтителен, чем лексическая единица. По этой причине, а также, подчиняясь универсальному закону речевой экономии, носители русского языка стремятся ликвидировать лакуны, что служит толчком к тому, чтобы создать промежуточное неоднословное наименование, а в идеале – отдельное слово, например: "породы лиственных деревьев, теряющих листья осенью" – *чёрный лес – чернолесье*.

Образование новых слов, т.е. заполнение лакун, – распространённое в русском языке явление. Именно феномен лакунарности, по словам Быковой, сохраняет русский язык "живым как жизнь" [3,46].

Словарный состав русского языка непрерывно пополняется неологизмами. В "Словаре новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х гг.)" приводится 10 тыс. слов и около 230 фразеологизмов, например: *беспредел, бомж, офис, спонсор, шопинг*. Такие словари в ряде случаев демонстрируют наличие лакун в лексической системе языка и темпы их заполнения.

Для проблемы лакунарности принципиально важен вопрос, всегда ли новые лексемы появляются на месте лакун, т.е. заполняют их. Г. В. Быкова отвечает на этот вопрос отрицательно, т.к. количественно более весомы экстралингвистически обусловленные новые лексические единицы и заимствования. Но к проблеме интралингвальной лакунарности они не имеют почти никакого отношения: новая реалья входит в жизнь общества, уже будучи наименованной. Хотя лакунарность всё же может наблюдаться, но в течение очень короткого отрезка времени.

Например, в 1970 году после высадки советского автоматического аппарата на Луну, во всех языках осозналась новая лакуна, которая в очень сжатые сроки и заполнилась. В русском языке появилось новое слово *луноход* [3,102].

В словарях новых слов русского языка, конечно, широко представлены и неологизмы внутриязыкового происхождения.

Лексические изменения далеко не всегда находятся в прямой зависимости от неязыковых причин. "Внутренние преобразования в языке менее заметны. Обусловленные ими неологизмы не обозначают новых предметов и понятий, они используются для наименования уже бытующих реалий, которые прежде обозначались либо описательно (лакуна в своём классическом виде), либо уже известным в языке словом" [4,44]. Естественно, что такие лексемы менее заметны. Экспрессия новизны в них выражена менее ярко.

Так, в 60-70-е гг. словарный состав пополнился словом *бездуховность*. Концепт им обозначенный – "отсутствие духовного, нравственного, интеллектуального начала" – существовал на уровне синтаксической объективации неизвестно сколь долго, а лексически объективирован и зафиксирован первым выпуском серии "Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77" (М., 1980).

Удивительно чувствительны к "лексическим пустотам" родного языка дети. Проанализировав "Словарь детской речи", Г.В. Быкова отмечает, что пытливый

детский ум неистощим в создании, конструировании слов, заполняющих пробелы языка взрослых, которые эти пустоты не замечают. Например, *асфальтильщик* (рабочий, занимающийся асфальтированием дорог), *базарник* (человек, торгующий на базаре). Ребёнок, создав новое слово, нередко неосознанно повторяет то, что уже было в древнерусском языке (вывлечь, выскок) или "высвечивает" слова говоров, диалектов (куплять, лязя), слова, встречающиеся в художественной литературе (светлота – у Н.С. Лескова) [3,42].

В русском языке обнаруживается множество лексических лакун даже в пределах одного семантического поля. Например, в семантическом поле "*человек по его движениям, не направленным на другие объекты*" далеко не все семемы представлены лексемами: тот, кто бежит – бегун, прыгает – прыгун, плавает – пловец, шагает – 0, встаёт – 0, вскакивает – 0 и т.д.

Большая степень лакунарности характерна для семантического поля "*заросли или посадки растений*". *Заросли кустов* – *кустарник*, *заросли* или *посадки ореха* – *орешник*, *заросли черёмухи* – *черёмушник* (разг.), *заросли сирени* – 0, *заросли акации* – 0, *заросли вербы* – 0, *заросли мимозы* – 0, *заросли* или *посадки облепихи* – 0, *посадки винограда* – *виноградник*, *заросли* или *посадки малины* – *малинник*, *посадки смородины* – *смородинник*, *посадки крыжовника* – 0.

Разновидностью лакун следует считать и такое явление, которое Ю. С. Степанов именует "недостаточностью нормы", имея в виду те случаи, когда элемент структуры не всегда находит выражение в норме речи [5,98]. Таковы, например, отсутствующие в русской норме, но существующие в структуре русского языка (благодаря чему их можно произнести и понять) формы первого лица единственного числа настоящего и будущего времени от глаголов *дерзить*, *дудеть*, *затмить*, *очутиться*, *победить*, *ощутить*, *убедиться*, *простонать* и т. д.

Лакунарными в литературном языке являются и формы деепричастий на **-а(я)** от некоторых глаголов на **-ть**: *писать*, *будить*, почти от всех глаголов на **-чь**: *толочь*, *увлечь*, *жечь* и др. К этой категории можно отнести формы сравнительной степени некоторых прилагательных: от *жестокый*, *дерзкий*, *пылкий*, а также превосходной простой степени: от *дерзкий*, *робкий* и др. [3, 98].

"Можно говорить о лакунах в современном русском языке относительно диалектов того же языка. Так, например, слово *спень*, бытующее во многих говорах со значением "несколько часов беспробудного сна", является лакуной в современном русском литературном языке" [1,23].

Изменение состава лексики любого литературного языка связано зачастую с перемещениями слов из одной сферы в другую, с его постоянным взаимодействием как обработанной и нормализуемой формой языка с языком наук, профессий, диалектов, устной речью, откуда зачастую перемещаются слова, заменяя расчленённые наименования.

Как уже отмечалось, лакуны в одноязычной ситуации характеризуются высокой степенью латентности, их очень трудно, а порой почти невозможно обнаружить. И велика вероятность того, что массив этих "белых пятен" весьма и весьма обширен.

Внутрисистемные инновации, заполняющие лакуны, разнообразны как по своей природе, так и по характеру выполняемых ими функций, что позволяет предположить и разнообразие пустых ниш, оказывающих несомненное причинно-следственное влияние на появление неологизмов.

Г.В. Быкова выделяет 16 типов интралингвальных лакун.

1 **Системные (потенциальные) лакуны.** Эта группа лакун обусловлена системным характером языка и системным подходом к изучению языковых явлений. Можно предположить, что эта группа самая многочисленная. В числе системных лакун, в свою очередь, следует различать *лексические* и *словообразовательные* лакуны, при этом преобладающее число "белых пятен" приходится на *системные (потенциальные) словообразовательные лакуны*. Так, в тематической подгруппе "мясо животных" обнаруживается словообразовательная нереализация "мясо

коровы". Вместо *коровятина* (которая "подсказывается" системой) носители языка активно используют узуальную супплетивную форму *говядина*. Лексическая ниша заполнена, а словообразовательная выражена лакуной.

Строго говоря, системной лексической лакуны в чистом виде нет – она всегда одновременно и словообразовательная, точнее, лексико-словообразовательная, в то время как системная словообразовательная лакуна довольно частотна: *собака* – *собачонок* (далее этот тип лакун обозначен знаком 0^C) – *щенок*; *лошадь* – 0^C – *жеребёнок*; *курица* – 0^C – *цыплёнок*; *овца* – 0^C – *ягнёнок*.

Почему носители языка предпочли супплетивные формы, а не создали новые слова, предопределённые системой словообразования, т.е. по аналогии? Потому что в этих словах происходили фонетические изменения (овчонок).

Принцип аналогии предполагает возможность существования в системе языка мотивированных глаголами существительных, скажем, с суффиксом *-ун*: если есть *болтун* от *болтать*, *бормотун* от *бормотать*, то возможны с точки зрения системы слова *болюн* от *болеть*, *опаздун* от *опаздывать* и др. Но эти лексемы "отвергнуты" узусом, поэтому возникают системные словообразовательные лакуны, которые "побуждают" носителей языка заполнять их словами, созданными по другим словообразовательным моделям и являющимися зачастую другими частями речи: *больной*, *опаздывающий* и др.

Системные словообразовательные и лексико-словообразовательные лакуны – это то, что возможно, разрешено системой, но лексически не представлено.

2 Коммуникативные лакуны. "Если концепт становится предметом обсуждения в обществе, – отмечает И.А. Стернин, – можно говорить о формировании его коммуникативной релевантности. Лексическая лакуна в таком случае должна быть заполнена – для обсуждения концепта его надо называть" [6,41].

Поскольку "средой обитания" коммуникативных лакун является устное общение, то в случае повышения коммуникативной релевантности концепта они чаще всего заполняются либо сленговой единицей, либо диалектизмом. В процессе заполнения коммуникативных лакун жаргонными единицами постоянно пополняется пласт разговорной лексики. Фактически вошли в её состав слова из солдатского жаргона *дембель* и *дедовщина*, милицейские жаргонизмы *бомж* и *опер*, уголовные словечки *шестёрка*, *стукач* и др. До конца 90-х гг. в русском языке наблюдалось множество коммуникативных лакун в связи с цензурным запретом на употребление сленговых единиц. Сейчас таких запретов нет, и коммуникативные лакуны стремительно заполняются.

3 Личностные (субъективные) лакуны. Если говорящий, располагая понятием, не сразу может вспомнить нужную лексему или вообще таковой не знает, налицо личностная лакуна. В качестве примера можно привести реплику: "Дай, пожалуйста, ту вещицу, вон ту, для мытья (о мочалке)".

В повседневном общении личностные лакуны особенно часты у детей, например, во время устного ответа на уроках; при общении людей, не располагающих обширным активным словарём: "Ну, это самое..., как его...".

4 Стилистические лакуны. Иногда в языке отсутствует общеупотребительная лексема для обозначения коммуникативно значимого понятия или предмета при наличии её сниженных синонимов, т.е. возникает ниша – *функционально-стилистическая* лакуна. Например, "замучить приставаниями" – жарг. *заколебать*, *задолбать*, "попасть в щекотливое положение" – жарг. *запопасть* и др.

С другой стороны, появление сленговой лексемы может быть обусловлено отсутствием в системе языка экспрессивной единицы для наименования того или иного денотата при наличии межстилевого, т.е. стилистически "обезличенного" обозначения. Такую лакуну заполняет, например, сленговая лексема *оттянуться* (ср. *хорошо*, *в удовольствие отдохнуть*).

5 Межподсистемные лакуны. Известно, что в теории и практике перевода нередко приходится сталкиваться с межязыковыми лакунами. Сходную картину

можно наблюдать при сопоставлении языковых подсистем одного и того же национального языка. Явственно проявляются, например, пробелы семантического пространства литературного языка на месте профессионализмов заготовителей, сплавщиков и т.д.: приспособление, на котором крепится весло на плоту – *бабка*; поплавок на рыболовной снасти – *бамбера*.

6 **Формообразовательные лакуны.** Этот тип лакун обнаруживается в неполных парадигмах. Например, в парадигмах множественного числа некоторых существительных. Так, не образуют форм родительного падежа множественного числа существительные *мечта, башка, мольба* и др.

7 **Узуальные (нормативные, кодифицированные) лакуны.** Как уже отмечалось, узус ограничивает использование языковых единиц. Это касается, например, форм 1-го лица некоторых глаголов (*очутиться, победить*). Потребности языкового общения запрещают и одновременно принуждают использовать "опальную" форму.

8 **Сегментные лакуны.** Концентрация смысла, а тем самым формальная экономия в ряде случаев обеспечивается семантическими трансформациями бытующих в языке слов, в смысловой структуре которых потенциально предусмотрены семантические пустоты, как бы деривационные сегменты, которые могут заполняться новыми семами. Например, слово *маринист* сравнительно недавно закрепило в новом значении – "работник искусства, литературы, посвятивший себя морской тематике", семантическая инновация слова *пакет* – группа взаимосвязанных положений.

9 **Трансноминационные лакуны.** Значительная часть лексических инноваций, возникших для трансноминации (переименования) уже известных понятий – это результат действия порождающей функции языковой системы, которая делает возможным порождение тех или иных лексем словообразовательного гнезда, никогда не бытующего в языке в полном составе [4,45].

Так, в 60-70-е гг. язык пополнился рядом производных слов от ранее известных основ: *надличный, небесспорность, планетянин*.

10 **Гиперонимические и гипонимические лакуны.** Одна из причин внутрисистемных преобразований – стремление к обобщению, потребность дать общее родовое название однотипным явлениям, вещам, понятиям. Например, долгое время вещества, ускоряющие и облегчающие приспособление организма к условиям окружающей среды (женьшень, элеутерококк, левзея, лимонник и др.) не имели родового названия. Следовательно, в языке существовала гиперонимическая лакуна, пока не появилось однословное наименование – адаптогены. Однако в языке наблюдается и противоположная тенденция – к дифференциации, отражая тягу к определённой иерархии внутри смыслового поля. В силу указанной потребности возникают новые слова, в большинстве сложные:

выставка – выставка-семинар, выставка-ярмарка, выставка-распродажа;

парк – лесопарк, гидропарк, парк-выставка.

11 **Абсолютные лакуны.** Нереализованные системно возможные единицы имеются на всех уровнях языка, однако многие из них никогда так и не будут названы отдельным словом. Это и есть *абсолютные* лакуны, универбальная лексикализация которых невозможна в силу внутриязыковых факторов: 1) запретов и ограничений, которые накладывает языковая система на сочетаемость словообразовательных основ и аффиксов; 2) из-за степени коммуникативной достаточности; 3) аналогии.

В силу семантической закономерности, в соответствии с которой значения полноты, чрезмерности признака не могут проявляться у прилагательных, передающих признаки слабые, неполные, не будут, например, реализованы в языке слова *низенный* – противоположное *высоченный*, *узенный* – *широченный*, *худенный* – *толстенный*.

12 **Мотивированные и немотивированные лакуны.** *Мотивированные* лакуны отражают отсутствие в языке слова вследствие отсутствия предмета, явления в самой действительности народа. Например, в парадигме "специалист по разведению животных" наблюдаем: овца – *овцевод*, кролик – *кроликовод*, собака – *собаковод*, конь – *конеvod*, кит – 0, лев – 0, заяц – 0, волк – 0. Все лакуны в этой парадигме мотивированы: никто не разводит китов, львов, зайцев и т.п. В таких "специалистах" нет необходимости, отсюда нет и слов, их обозначающих. *Немотивированные* лакуны отражают отсутствие в языке слова при наличии в действительности данного народа соответствующего предмета, явления, процесса. Лакуны этого типа легко обнаруживаются в замкнутом семантическом поле, например, обозначающем "мясо рыб": *лосось – лососина, осётр – осетрина, белуга – белужатина, сайра – 0, минтай – 0, путассу – 0, налим – 0* и др. Концепты "мясо сардины", "мясо карпа" и др., существуя в сознании носителей языка и коммуникативно востребованные, никак не обозначены.

Существование немотивированных лакун объяснимо историческими, культурными традициями, социальными причинами.

13 **Относительные лакуны.** По словам Ю.С. Степанова, лакуны могут быть относительными, когда слово или словоформа, существующие в национальном языке, употребляются очень редко [7,121]. Это высказывание о межъязыковых лакунах применимо и к интралингвальным лакунам. Из словаря носителей языка выпали, например, лексемы *соколятник* – человек, приставленный к охотничьим соколам, *сокольничий* – старший над соколятниками, *выя* – шея, *тать* – вор.

Относительными лакунами являются не только устаревающие и устаревшие слова, но и лексические единицы, употребление которых ограничено особенностями обозначаемых ими явлений (названия редких реалий, историзмы, термины).

14 **Латентные лакуны.** Этот тип лакун реализует способность языка выражать понятия скрыто. Например, в названиях урожая от продовольственных культур скрыто понятие "растение": *пшеница, рожь, ячмень, овёс*.

Латентные лакуны обнаруживаются и в отмечавшемся лексемном пространстве поля "рыбы", где совпадают названия рыб и их мяса.

15 **Частеречные лакуны.** Г.В. Быкова выделяет этот тип с учётом возможности обнаружить лакуны на фоне частеречной принадлежности (от части речи).

В лексико-семантическом поле "общение", например, обнаруживаются лакуны при обозначении процесса общения существительными: *общаться – общение, разобщать (разобщить) – разобщение, орать – 0, якишаться – 0, молоть – 0, городить – 0*. Как наглядно показано, потенциальная единица языка может соответствовать всем свойствам системы, но не быть реализованной.

16 **Лингвокультурологические лакуны.** Анализируя работу Д.С. Лихачёва "Концептосфера русского языка", Г.В. Быкова отмечает, что в чрезвычайных обстоятельствах концептосфера языка может резко сократиться. Такое чрезвычайное обстоятельство имело место, например, когда в 1918 году было отменено преподавание старославянского языка и Закона Божия. Церковнославянские слова не только обогащали литературный язык и просторечие, но и вносили оценочный элемент в мышление [3,167]. Возникшие "белые пятна" – лакуны – можно считать интракультурными, точнее, – лингвокультурологическими.

В русском языке есть немало устаревших, малоизвестных, неупотребительных, необычных, непонятных слов, получивших название *гlossы*.

Сопоставив *гlossы* и лакуны – *алас* – прогалина, лужайка в лесу, *ампоше* – прикарманить деньги, – можно заметить процесс, который логично назвать языковой делакунизацией (элиминирование лакун) → лакунизация лингвокультурологическая. Описательные обороты обрели когда-то однословные номинанты, т.е. лексические лакуны заполнились. Но, видимо, будучи явно иностранными, лексемы не прижились и постепенно вышли из употребления. Концепты стали лакунами не столько лексическими, сколько лингвокультурологическими.

Как можно было заметить, различные типы лакун могут обнаруживаться в одном и том же лексемном пространстве, а лакуны одного типа одновременно могут относиться к другому типу лакун с учётом определённого признака.

Итак, мы имели возможность убедиться в том, что лакуна, эта "виртуальная лексическая сущность, семема, не имеющая материального воплощения в виде лексем" [3,49], не просто "пустота", а активное, "живое" углубление, заполненное скрытым "заместителем".

"В любой момент эти потенциально возможные слова могут стать реальными, если в том возникает необходимость. И именно наличие в потенциале лексической системы этих возможных единиц придаёт ей качества неограниченной системы" [8, 242].

Исследование феномена "значимое отсутствие лексем" даёт возможность понять многие процессы, происходящие в языке как системе.

SUMMARY

The article considers the intralingual lacunarity as the linguistic phenomenon and gives the analysis various types of intralingual lacunas in the lexical system of the Russian language. Special attention is paid to the research of the system (potential) lacunas as the most numerous group.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). - Владимир, 1975. - 96 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. - Л.: Просвещение. Ленингр. отделение, 1977. - 300 с.
3. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии.- Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003.-276 с.
4. Волков С.С., Сеньков Е.В. Неологизмы и внутренние стимулы языкового развития // Новые слова и словари новых слов. - Л.: Наука, 1983. - С. 43 - 57.
5. Степанов Ю.С. Основы языкознания. - М.: Просвещение, 1966. - 272 с.
6. Стернин И.А. Структурная семасиология и лингводидактика // Русское слово в лингвострановедческом аспекте: Межвузовский сб. научн. трудов. - Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. - С. 104 - 121.
7. Степанов Ю.С. Французская стилистика. - М.: Высш. шк., 1965. - 356 с.
8. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. - М.: Высш. шк., 1989. - 242 с.

Поступила в редакцию 26 сентября 2006 г.